

Глава I

РОДНОЕ ПЕПЕЛИЩЕ

Странности медицины

Я происходил из семейства русского и благочестивого», – говорил Достоевский. Семья, впрочем, складывалась не сразу. Его отец, рожденный на территории Польши в семье священника-униата, оказался в Москве за двенадцать лет до появления на свет своего знаменитого сына. Что знал сын о прошлом отца?

В книге «Родиться в России» мы подробно останавливались на том, как двадцатилетний Михаил Достоевский осенью 1809 г. покинул родительский кров в селе Войтовцы и из пределов недавно присоединенного к России края направился в первопрестольную – для поступления в Медико-хирургическую академию. Возможно, этот уход был вызван конфликтом с отцом. Во всяком случае, он повел к разрыву всех связей с оставшейся на Украине родней. Но каков был тот «московский контекст», куда предстояло вписаться семинаристу-провинциалу, выходцу из глухого угла империи? Что ожидало его в сердце России?

На это дают ответ некоторые неизвестные ранее источники.

Весной 1809 г. вновь учрежденное московское отделение императорской Медико-хирургической академии еще не имело собственного пристанища. Это вызывало немалую озабоченность как петербургских, так и московских властей. 25 марта 1809 г. министр внутренних дел А.Б. Куракин предлагает вице-президенту Академии Н.С. Всеволожскому «в разсуждении приискания домов» для указанной академии осмотреть здание, принадлежащее генерал-майору Пашкову, «и сообразя подробно выгоды и неудобства, сообщить мне мнение ваше»² (ЦИАМ. Ф. 433. Оп. I. Ед. хр. 25).

Владелец дома В.А. Пашков просил за него 200 000 руб. Всеволожский поначалу склонялся к покупке «по отменности места и по столь близкому положению его от Московского университета». На последний, кстати, Академия также имела виды, поскольку замысливалось его перемещение в Екатерининские казармы. Однако дом Пашкова после тщательного осмотра был забракован, ибо, как доносил Всеволожский Куракину, «он есть теперь не что иное, как куча кирпичей», и «ни в каком случае не может быть способным для помещения Академии по малости своего места, на котором нет ни воды, ни же возможности иметь сад, да и строения производить не удобно». В конце концов был приискан дом на Рождественке близ Кузнецкого моста, принадлежавший графу И.Л. Воронцову (ныне там помещается Архитектурный институт). Выбранное помещение не слишком превосходило отвергнутый Пашков дом. Как утверждает историк Академии, «здания были плохо приспособлены, тесны и ветхи... В лекционных залах и некоторых жилых комнатах сгнившие потолки угрожали падением». Не лучше обстояло дело с гигиеническими условиями. Из официальной реляции можно извлечь, что в сенях и коридорах кадки с водой и квасом стояли бок о бок с медными котлами «для испражнения мочи».

Счастье Михаила Андреевича, что он попал во второй, 1809 года, студенческий набор. Его предшественники, студенты первого набора, ввиду отсутствия в Москве необходимых для Академии помещений претерпели немало мытарств. 20 ноября 1808 г. двадцать отобранных Тверской врачебной управой кандидатов (все – из «духовного звания») пишут Всеволожскому, что, прожив данное им от родителей содержание, приемлют «дерзнове-

2. В Москве было несколько Пашковых домов. В данном случае это отнюдь не здание будущей Румянцевской библиотеки (ныне РГБ), а Пашковский театр на углу Большой Никитской и Моховой, где в настоящее время помещается церковь Св. Татианы.